УДК 911.7(092)(47+57)

DOI: 10.15593/2224-9389/2016.4.2

П.П. Банман

Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия

Получена: 14.11.2016

Принята: 23.11.2016

Опубликована: 30.12.2016

ОБРАЗ РОССИИ НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ Э.Э. ДВИНГЕРА «DIE ARMEE HINTER STACHELDRAHT»

В статье основное внимание акцентируется на географической составляющей образа России. В качестве материала для исследования используется мемуарное произведение Э.Э. Двингера «Die Armee hinter Stacheldraht» (1929), которое повествует о трех годах его жизни в лазарете и в нескольких российских лагерях в период с 1915 по 1918 год. Россия изображается как пространство, чуждое военнопленным и контрастное по отношению к Германии. В тексте актуализируется отрицательный и «холодный» образ России, страны произвола и отсутствия порядка. В ходе исследования выявляются эмоционально окрашенные описания российских городов (Нижнего Новгорода, Самары, Уфы, Омска) и регионов (Сибири, Оренбуржья, Забайкалья), которые позволяют автору познакомить читателя с жизнью российских городов, показать невыносимые и бесчеловечные условия жизни военнопленных, проследить их отношение к происходящему и взаимоотношения друг с другом. Топографические описания носят конкретный географический и культурно-исторический характер. В создании образа России участвуют и символические детали, связанные с изображением природы, описанием русской зимы и сибирского лета. Сибирь в тексте приобретает символическое значение и становится своеобразным «знаковым местом»: не только вся Россия, но и весь мир для военнопленных становятся Сибирью. В результате исследования делается вывод о стереотипном понимании как образа Сибири, так и образа России в целом. В статье также затрагивается проблема восприятия мира в формате оппозиции «свой – чужой», в соответствии с которой Россия представляется как чужбина и вражеское государство. Географическая составляющая образа России участвует в формировании ее образа как врага, активно навязываемого современными средствами информации.

Ключевые слова: мемуары немецких военнопленных; Э.Э. Двингер; образ России; географический образ региона; образ Сибири; образ врага; парадигма «свой – чужие».

P.P. Banman

North-Caucasian Federal University,
Stavropol, Russia

Received: 14.11.2016

Accepted: 23.11.2016

Published: 30.12.2016

IMAGE OF RUSSIA IN THE MEMOIRS OF E.E. DWINGER ARMY BEHIND BARBED WIRE

This article deals with the geographical component of image of Russia. The material used for the study are memoirs of E.E. Dwinger "Army behind barbed wire" (1929), which records three years of his life in a hospital and in several Russian prisoner-of-war camps in the period from 1915 to 1918. Russia is imagined as a foreign space for the prisoners and contrast in relation to Germany. The text makes actual a negative and "cold" image of Russia, the country of lawlessness and disorder. The study discovers emotive descriptions of Russian towns (Nizhny Novgorod, Samara, Ufa, Omsk) and regions (Siberia, Orenburg region, Transbaikai) that allows the author to introduce to the reader the life of Russian towns, to show the unbearable and inhumane living conditions of the prisoners, to trace their relationship to events, relationships with each other. Topographical descriptions are specific geographical, cultural and historical. In creating the image of Russia symbolic items related to the image of nature, the description of the Russian winter and the Siberian summer are involved. Siberia assumes a symbolic meaning and becomes a kind of "symbolic place": not only the whole Russia, but the whole world becomes Siberia for the prisoners of war. The study concludes a stereotypical image of Siberia and Russia's image as a whole. The article also reveals the issue of world perception in opposition of

the concepts "own" and "foreign" according to which Russia is represented as a foreign land and the enemy state. The geographical component of the image of Russia participates in the formation of its image as an enemy, actively imposed in the modern media.

Keywords: *memoirs of German prisoners of war, E.E. Dwinger, image of Russia, region's geographical image, image of Siberia, image of the enemy, "own – foreign" paradigm.*

Изучение образа России на материале иноязычных художественных произведений является особенно значимым, поскольку, как указывает Д.Н. Замятин, географические образы могут быть не только выявлены и реконструированы, они могут вполне целенаправленно культивироваться, менять свою форму в зависимости как от поставленных целей и задач, так и от характеристик создателей образа [1, с. 183]. Актуальность изучения темы составляющих образа России видится и в том, что в настоящий момент прежде всего в западных средствах массовой информации тиражируется образ России как «образ врага». Данная составляющая образа используется еще со времен Отечественной войны 1812 года: перед походом на Россию в средствах массовой информации Франции и подконтрольных государств Наполеоном была начата информационная пропагандистская кампания, которая должна была оправдать его военные действия. Россия была представлена как «настоящий агрессор», а «русские варвары» как несущие угрозу всему миру и стремящиеся уничтожить цивилизацию Европы. Аналогичная кампания была развернута и нацистской пропагандой, представлявшей русских как «недочеловеков». Однако целью данной статьи является исследование образа России как «географической данности» для структурирования географической составляющей образа.

Образ России трактуется нами как географический образ определенной территории, состоящий из нескольких составляющих. Термин, являющийся центральным понятием имажинальной географии, понимается как «система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию» [2, с. 29]. Кроме того, географический образ – это и отражение представлений о регионе, базирующихся на знаниях о нем, и продукт коллективного воображения [3]. Моделирование образа России осуществляется на материале немецкоязычного текста мемуаров Э.Э. Двингера «Die Armee hinter Stacheldraht» (1929) и его перевода «Армия за колючей проволокой» (2007). Выбор данного произведения обусловлен тем, что данный мемуарный текст является первой частью трилогии, которую называют «немецкие хождения по мукам»: далее следуют «Zwischen Weiß und Rot. Die russische Tragödie. 1919–1920» (1930) и «Wir rufen Deutschland. Heimkehr und Vermächtnis. 1921–1924» (1932), в которых содержится интересный материал для раскрытия проблем российского и советского общества начала XX века глазами иностранца. Контрастное противопоставление понятий «свой – чужой», заданное в названии произведений, приобретает «концептуальную значимость», воплощая во всем текстовом пространстве два противоположных ми-

ра, два образа жизни, две разные ментальности» [4, с. 22]. Национальный компонент оппозиции «свой – чужий» включает в себя общность языка, территории, экономической жизни, менталитета, вероисповедания, культуры и исторического прошлого [5, с. 474].

Как пишет Е.А. Зачевский, Двингер стал в Германии «своего рода специалистом по проблемам взаимодействия русских и немцев, создав в своих книгах образ народа, жестокого в своих диких проявлениях, далекого от европейской цивилизации, сохраняющего в себе детскую наивность и истовую религиозность, в чем, по его мнению, и проявляется истинная сущность русского человека» [6, с. 82]. Как отмечают исследователи, мемуарный текст ориентирован на воссоздание конкретной, реально бывшей исторической действительности, тем не менее, по словам Л.Я. Гинзбург, «некий фермент недостоверности заложен в самом существе жанра» [7, с. 10]: возможны ограниченность познаний автора в обстоятельствах эпохи, мотивах действий участников событий, а также ошибки и провалы, умолчания и «домысливания». Однако для настоящего исследования не является главным вопрос, насколько верно передан географический образ России. Определяющее значение имеет положение о том, что исследователь имеет дело с образами реальности, которые Р. Барт называет «эффектом реальности» [8]. Объектом исследования при моделировании образа России выступают как отдельные лексические единицы, прежде всего топонимы, так и более широкие контексты, включающие описание России, ее регионов и отдельных городов.

Образ России представлен в тексте мемуаров Двингера ярким контрастом по сравнению с образом Германии. Россия изображается как пространство, чуждое военнопленным и полярное по отношению к Родине, где остались дом и семья, жены и дети. Автор, попав в плен, осознает, что Россия – это чуждый и непостижимый мир. Одно из самых ярких и одновременно противоречивых описаний за время пребывания в лазарете – описание Кремля: *Vor unseren Augen liegt der Kreml! Riesige Mauern schließen hundert Kuppeln ein, giftgrüne, reingoldene, himmelblaue, in allen Formen. Ich sehe sie zum erstenmal und eine Flut von einst Gehörtem und Gelesenem wacht in mir auf. Aber es wird nichts klarer in mir bei diesem Anblick, es ist eher, als ob das Geheimnis dieses Landes mir noch undurchdringlicher, die Fremdheit dieses Lebens mir noch unbegreiflicher werde. ... Ich würde mir über das, was sein Bild in mir weckt, auch nicht klarer werden, wenn ich es tagelang betrachtete, fühlte ich mich hingezogen und abgestoßen und weiß für beides keine Gründe* [9, S. 61] – ...перед нашими глазами Кремль! Огромные стены венчают сотни куполов, ядовито-зеленых, ослепительно-золотых, небесно-голубых, разнообразных форм. Я вижу их впервые, и меня переполняет поток когда-то слышанного и прочитанного. Однако от этого пейзажа мне не становится яснее, скорее тайна этой страны становится для меня еще непроницаемее, необыч-

ность – еще непостижимее. ... Все, что пробуждал во мне вид Кремля, тоже оставалось смутным, если бы я рассматривал его целыми днями, чувствовал бы очарование и отвращение к нему и не мог бы понять причин того и другого [10, с. 76].

В ряде контекстов создаваемый Двингером образ России достаточно стереотипен. «Стереотип можно представить как комплекс, занимающий то или иное место в динамической системе образа мира человека, обладающий рядом специфических свойств и признаков» [11, с. 49]. Можно отметить две характеристики стереотипов, фиксируемые в анализируемом материале: во-первых, стереотипизированное восприятие всего «чужого» упрощает для военнопленных существующую реальность. Во-вторых, любой стереотип отличается повышенной степенью замкнутости и «непроницаемости», что, в свою очередь, превращает стереотип в некий алгоритм переработки информации. Все «чужое», т.е. в данном случае русское, – плохо: и природа, и люди, и еда, и дороги.

Отметим, что прежде всего, как и во многих других произведениях, в которых речь идет о России, в анализируемом тексте актуализируется образ бескрайних просторов, куда не ступала нога человека, глуши, захолустья, безлесой пустыни. Бесконечность просторов внушает ужас, у военнопленных складывается впечатление, что им «противостоят не люди, но что-то более могущественное и чуждое и потому непонятное и страшное» [12, с. 171]. Д.Н. Замятин называет «использование географических образов огромных, пугающих и бесконечных пространств» одним из «главных маркеров цивилизационной идентичности России» [13, с. 74] и пишет далее: «Россия – страна, «ушибленная» пространством» [13, с. 76]. Приведем пример из анализируемого материала: *Wir haben oft das Gefühl, an Tälern vorbeizufahren, die noch kein Menschenfuß betreten hat* [9, S. 142] – *Нередко у нас возникает ощущение, что мы проезжаем мимо долин, в которых еще не ступала нога человека* [10, с. 174].

Попав в плен, автор оказывается в лазарете в Москве и описывает свое пребывание там так: *Dabei ist unser Lazarett, die Grudezkikaserne, noch eins der besten aller russischen Lazarette, das Schauobjekt für russische Großfürsten, das Paradelazarett für neutrale Kommissionen! Viele tausend andere gibt es in diesem ungeheuren Reich, in die niemals jemand einen Fuß fegt – wie mag es in diesen stehen?* [9, S. 48] – *Притом наш лазарет, Грудецкие казармы, один из лучших русских лазаретов, объект патронажа великих князей, парадный лазарет для независимых комиссий! Сколько тысяч других имеется в этой чудовищной империи, в которой есть места, где не ступала нога человека? А как там?* [10, с. 60].

Двингер в своих мемуарах большое внимание уделяет описанию обычных городов: образ России приобретает конкретные географические черты за счет добавления топографических описаний. В книге упоминаются такие города, как Москва, Петербург, Мурманск, Самара (*unvergeßliche Stadt – незабываемый город*), Уфа (*Tatarenstadt – город татар*), Челябинск, Омск,

Иркутск и др.: *Will man uns an das Ende der Welt schaffen? Felder, Steppe, Wälder. Steppe. Omsk, Nikolajewsk, Taiga, Atschinsk, Krasnojarsk, Kansk ziehen vorüber. Mächtige Flüsse, grenzenlose Wüsten* [9, S. 145] – *Нас хотят загнать на край света? Поля, степи, леса, опять степи. Омск, Николаевск, Тайга, Ачинск, Красноярск, Канск проплывают мимо. Могучие реки, бескрайние пустыни* [10, с. 177]. Символичным считаем и упоминание в мемуарах книги Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома», в которой появляется образ России каторжной. «Записки» глубоко потрясли Двингера в свое время: *In Omsk sehe ich unfern der Stadt die Krepost liegen, Dostojewskis Verbannungsstätte. Hätte ich nicht gedacht, in einer solchen Hölle könne ein Mensch unserer Zeit nicht einen Monat leben, ohne wahnsinnig zu werden? ... ich denke zurück, lasse ich ein paar Tage aus den "Memoiren" an meinem Blick vorbeigleiten und ein paar Stunden aus den Erdlöchern von Tozkoje... Nein, Gott im Himmel, still! Es wäre uns all Paradies erschienen, uns Tozkojern...* [9, S. 144–145] – *В Омске не-подалеку от города я вижу крепость, место ссылки Достоевского. ... Разве я тогда не думал, что в таком аду ни один человек нашего времени не сможет прожить и месяца, чтобы не сойти с ума? ... Я вспоминаю, оживляю перед моим внутренним взором, пару дней из «Записок» и пару часов в норе Тоцкого... Нет, боже мой, спокойно! Это было бы раем для нас, обитателей Тоцкого...* [10, с. 174]. Приведенный пример контраста, построенный на антитезе с элементами иронии концептуально значимых слов и антонимов *Hölle/ад* (усиленный за счет использования контекстуального синонима *Erdlöcher/нора*) – *Paradies/рай*, отражает способ восприятия мира, в целом характерный для произведений послевоенной литературы. Для всего произведения Двингера в целом характерно восприятие мира, основанное на использовании контрастных понятий. Значимыми сквозными оппозициями в тексте являются «Германия – Россия», «Родина – чужбина», «жизнь – смерть», «война – мир», «холод – жара», «свое – чужое». «Записки из мертвого дома» Ф.М. Достоевского наряду с таким прецедентным текстом, как «Сибирь» Джорджа Кеннана, также участвуют в формировании стереотипного образа России.

Образ России у Двингера, безусловно, окрашен в негативные тона, хотя некоторые описания городов полны красок. Увиденное автором сто лет назад практически соответствует и современной жизни российских городов. Так, в Нижнем Новгороде перед глазами военнопленных предстает пестрая жизнь города, в котором соседствуют нищета и богатство. Военнопленных возят по городу по очень плохим дорогам, которые Двингер сравнивает с местностью, изрытой воронками от снарядов, переводчик выбирает вариант перевода как «лунный ландшафт», так же зафиксированный в словаре: *In Nishninowgorod ist unsere Fahrt mit einmal zu Ende. ... Auf einem Platz, an dem uralte Getreidespeicher aus schwarzem Holz auf uns herunter sehen, müssen wir hinaus. Wir sitzen stundenlang auf hartem Pflaster, beobachten das reiche Leben dieser alten Han-*

delsstadt. ... „Mensch“, murmelt Brünn, „sollen in diesem **Städtchen** wirklich Menschen wohnen?“ ... **Die Straßen sind unglaublich ausgefahren, fast Trichterfelder in Miniatur.** ... **Wundersame Kirchen** stehen an den Plätzen, **bis zum Dach geschnitzte Häuser reicher Kaufleute** an den Straßen. An uns vorüber zieht **orientalisch-buntes Leben...** „Als ob wir in einem **Farbkasten** herumführen“ sagt Pod [9, S. 83–84] – В **Нижнем Новгороде** наше путешествие вдруг прерывается. ... На площади, на которой сверху вниз на нас глядит **старое зернохранилище из почерневших бревен**, нас высаживают. Несколько часов мы сидим на **голой мостовой**, наблюдаем за богатой жизнью этого старинного торгового города. – Ребята, – бормочет Брюнн, – неужто в этом **городушке** живут люди? ... **Улицы невероятно разбиты, настоящий «лунный ландшафт»** ... На площадях стоят **удивительные церкви**, на улицах **до крыши резные деревянные дома богатых купцов**. Мимо нас тянется **пестро-восточная жизнь**. – Мы будто попали в **ящик с красками!** – говорит Под [10, с. 102–103].

В создании образа России участвуют и символические детали, связанные с изображением природы, зимы, снега и холода. *Bei unserer Ankunft im Lagerbahnort fällt der erste Schnee. Er fällt staubfein und durch sein flimmerndes Geriesel sehen wir ein Land, das bis zum Horizont in lebloser Öde liegt. Wir wissen noch nicht, daß diese baumlose Steppe eine der elendesten Gegenden Allrußlands, die Orenburgische Sandsteppe ist, aber wir fühlen ihre Trostlosigkeit im ersten Anblick.* „Und in diesen **gottverlassenen Weltecke** sollen wir privatisieren?“ fragt Brünn [9, S. 93] – При нашем прибытии на станцию назначения выпадает **первый снег**. Он сыплется мелкой крупой, и под его переливчатый шорох мы разглядываем **местность, которая до горизонта тянется безжизненной пустыней**. Мы еще не знали, что эта безлесная степь – **одна из самых страшных местностей России, Оренбургская степь, но мы чувствуем безысходность в первые же мгновения**. – И в этом забытом Богом **захолустье** мы должны жить? – спрашивает Брюнн [10, с. 115–116]. Описание представшего перед глазами военнопленных пейзажа и используемые при этом лексические единицы – *leblose Öde, elendste Gegend Allrußlands, gottverlassene Weltecke* также участвуют в создании отрицательного образа России. Приведем еще один пример именно зимнего пейзажа, увиденного в другом регионе России: *Das Land liegt vor uns wie ein Meer, das in starker Dünung ersarrte. An den windgeschützten Hängen glänzt dünner Schnee, wo ihn der Wüstenwind zerblies, steht nackter Boden hervor, manchmal Felsgrund. Nirgends ein Strauch, bis an den Horizont kein Baum.* “Ja, das ist Transbaikalien” [9, с. 169–170] – **Местность лежит перед нами словно море, вдруг застывшее при сильном волнении. На склонах, защищенных от ветра, сверкает тонкий слой снега, там, где его сдувает ветром, проглядывает голая почва, иногда скалистая порода. Нигде ни кустика, до самого горизонта ни**

одного дерева. – Да, вот оно, Забайкалье! [10, с. 204]. В приведенных выше контекстах природа, которая тоже не сулит военнопленным ничего хорошего, отражает и внутреннее состояние героев.

Наш исследовательский интерес вызвал также такой регион, как Сибирь, которая в силу ряда геополитических и исторических причин оказывается известной как русским, непосредственно сталкивающимся с военнопленными, так и самим военнопленным. Одна из сестер милосердия в лазарете говорила: *Alles ansehen müssen, nichts dagegen vermögen... Jede Freundlichkeit, jede Menschlichkeit wird hinterbracht, kann uns Sibirien oder unsere Güter kosten!* [9, S. 58] – *За всем следят, с этим ничего не поделаешь... Доносят о любом проявлении дружелюбия, человечности, это грозит нам Сибирью или лишением имущества!* [10, с. 72–73].

Хронотопический образ Сибири интерпретируется как образ страны холода, зимы, ночи, т.е. смерти в мифологическом ее понимании [14]. Многими исследователями отмечается стереотипное восприятие Сибири как края света, обрыва и перелома жизни. «Сибирь несет печать отвержения» [цит. по: 15, с. 5]. Для военнопленных Сибирь – это не только место каторги и ссылки, у них Сибирь ассоциируется с безвыходностью и безысходностью, безнадежностью и обреченностью, это место, которое невозможно преодолеть, здесь они стареют и мучительно замечают, как проходит их жизнь, как из жизни уходят друзья и товарищи. Здесь все становится бессмысленным, Сибирь истощает и лишает их надежд. Люди теряют в лагерях смысл жизни и не понимают, как можно будет жить дальше после всего пережитого: *Ist für mich nicht die ganze Welt durch diesen Krieg ein einziges Sibirien geworden? Ja, ist nicht für uns überall: Sibirien? Weil wir es nie vergessen werden...? ... “Und ich soll leben können wie einst?” schreie ich in die Erde. Nach alldem? Schlafen und wachen? Essen und trinken? Nach alldem? Vielleicht heiraten? Kinder zeugen?* (9, S. 303–304) – *Разве из-за этой войны весь мир не стал для меня сплошной Сибирью? Да, разве не повсюду для нас Сибирь? Потому что мы никогда этого не забудем... «И я смогу жить как прежде?!» – кричу я в землю. После всего? Ложиться спать и вставать? Есть и пить? После всего? Возможно, жениться? Наплодить детей?* [10, с. 378–379]. Кроме того, Сибирь ассоциируются с самыми неблагоприятными погодными условиями, при этом не только с холодом и морозом, но и с невыносимой жарой: ... *das Klima Sibiriens für Mitteleuropäer unerträglich ist! Im Winter fünfzig Grad Kälte, im Sommer fünfzig Grad Hitze – wer hält das aus?* [9, S. 62] – ...*сибирский климат для жителя Центральной Европы невыносим! Зимой пятьдесят градусов мороза, летом пятьдесят жары – кто же выдержит такое?* [10, с. 75–76]. Для выражения данной ассоциации Двингер также использует антитезу *Kälte/мороз – Hitze/жара*. Подчеркнем, что контраст, манифестируемый прежде

всего антитезой, в содержательном плане является важным компонентом анализируемого мемуарного текста, эксплицируя картину мира протагониста.

Таким образом, на страницах мемуаров Э.Э. Двингера мы находим эмоционально окрашенные описания городов и регионов, по которым едут военнопленные, что дает возможность автору не только познакомить читателя с жизнью российских городов, но и показать жизнь военнопленных, проследить их отношение к происходящему, взаимоотношения друг с другом. Описания носят в большей степени конкретный географический и культурно-исторический характер, однако в целом формируют стереотипный образ России. Например, Сибирь – это место каторги и ссылки, бесконечное пространство с суровым климатом и с удивительной флорой. Данные характеристики региона также говорят о стереотипном характере имеющихся представлений. Для Двингера, вероятно, как и для всех военнопленных, не только вся Россия, но и весь мир – это Сибирь. Образ Сибири можно считать своеобразным «знаковым местом», т.е. территорией, «имеющей определенные семиотические характеристики в рамках конкретного метапространства (пространства, обладающего по отношению к знаковому месту большей семиотической размерностью)» [2, с. 34], в нашем случае – России. Данный топоним вызывает как коллективные, так и индивидуальные ассоциации у военнопленных.

Что касается образа России в целом, то в мемуарах Э.Э. Двингера создан негативный образ страны с невыносимыми природно-климатическими условиями. Доминирует образ бесконечной и холодной страны, чужой, неизвестной и непонятной. Противопоставление Германии как родной, «своей» земли и России и Сибири как чужбины, доминирование темы сурового сибирского климата свидетельствуют о том, что на индивидуальное восприятие оказывал влияние существующий уже стереотипный образ региона, функционировавший в массовом сознании. Кроме того, у военнопленных был сформирован образ России как обобщенный образ врага, сформировавшийся, безусловно, как в Германии в условиях пропаганды, так и в ходе самой войны. Данный образ носит как личностно-бытовой, так и обобщенный характер. Автором пропагандируется стереотипное представление о России, существовавшее в сознании немцев еще с XVIII века: прежде всего, это образ бесконечной и холодной страны, отсталой и нецивилизованной, в которой отсутствует порядок, страны произвола. Созданный в тексте образ «чужой» страны закрепился в массовом сознании и сейчас превратился в «образ врага», связанный с восприятием мира в парадигме «свой – чужой». Наиболее остро противостояние «своего» и «чужого» в мемуарах Э.Э. Двингера проявляется в оппозиции «Германия – Родина» – «Россия – чужбина» и «Россия-враг», что находит выражение в осмыслении черт как русского, так и немецкого национального характера и дискредитирует Россию и русских.

Список литературы

1. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб., 2003.
2. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. № 3. – С. 26–50.
3. Родигина Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2006.
4. Леглер А.А. Особенности вербализации бинарно-понятийной оппозиции «свой – чужие» в художественной публицистике Гюнтера Вальрафа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011.
5. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997.
6. Зачевский Е.А. Вторая Мировая война глазами немецких писателей // Вестник Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. Литературоведение. – 2016. – № 2. – С. 82–88.
7. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л.: Советский писатель, Ленинград. отд., 1971.
8. Барт Р. Эффект реальности // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 392–400.
9. Dwinger E.E. Die Armee Hinter Stacheldraht: Das sibirische Tagebuch. – Jena: Diederichs, 1929.
10. Двингер Э.Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. [Электронный ресурс]. – М.: Центрполиграф, 2004. – URL: http://militera.lib.ru/memo/german/dwinger_ee01/index.html.
11. Банман П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале рус. и нем. яз.). – LAP Lambert Academic Publishing, 2012.
12. Рябов О.В. «РОССИЯ – сфинкс»: гендерный аспект западного образа «таинственной русской души» // Культурология. – М.: Изд-во Ин-та науч. информ. по обществ. наукам РАН (Москва), 2001. – № 3 (19). – С. 169–173.
13. Замятин Д.Н. Россия и нигде: географические образы и становление российской цивилизационной идентичности // Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое / отв. ред. И.Г. Яковенко; науч. совет РАН «История мировой культуры». – М., 2007. – С. 72–90.
14. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27–35.
15. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: монография / отв. ред. К.В. Анисимов. – Красноярск: Изд-во Сибир. федерал. ун-та, 2010.

References

1. Zamiatin D.N. Gumanitarnaia geografiia: prostranstvo i iazyk geograficheskikh obrazov [Humanitarian geography: space and language of geographical images]. Saint-Petersburg, 2003.
2. Zamiatin D.N. Gumanitarnaia geografiia: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeistvie sovremennykh gumanitarnykh nauk [Humanitarian geography: space, imag-

ination and interaction between contemporary human sciences]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2010, vol. 9, no. 3, pp. 26–50.

3. Rodigina N.N. *Obraz Sibiri v russkoi zhurnal'noi presse vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* [Image of Siberia in Russian journal press of second half XIX – beginning XX century]. Thesis of the Doctor of History. Novosibirsk, 2006.

4. Legler A.A. Osobennosti verbalizatsii binarno-poniatiinoi oppozitsii «svoi – chuzhie» v khudozhestvennoi publitsistike Giuntera Val'rafa [Verbalization features of binary opposition “own – foreign” in artistic publicism of Günter Wallraff]. Abstract of the thesis of Candidate of Philology. Stavropol', 2011.

5. Stepanov Iu.S. *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniia* [Constants. Dictionary of the Russian culture. Research experience]. Moscow, Shkola “Iazyki russkoi kul'tury”, 1997.

6. Zachevskii E.A. Vtoraia Mirovaia voina glazami nemetskikh pisatelei [The Second World War through the eyes of German writers]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki. Literaturovedenie*, 2016, no. 2, pp. 82–88.

7. Ginzburg L.Ia. *O psikhologicheskoi proze* [On psychological prose]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1971.

8. Bart R. *Effekt real'nosti* [The effect of reality]. In: Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, 1994, pp. 392–400.

9. Dwinger E.E. *Die Armee Hinter Stacheldraht: Das sibirische Tagebuch*. Jena, Diederichs, 1929.

10. Dvinger E.E. *Armiia za koliuchei provolokoi. Dnevnik nemetskogo voennoplennogo v Rossii 1915–1918 gg* [The army behind barbed wire. Diary of a German war prisoner in Russia 1915–1918]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. Available at: http://militera.lib.ru/memo/german/dwinger_ee01/index.html (accessed 20 Oct. 2016).

11. Banman P.P. *Kulinarnyi retsept kak osobyi tip teksta (na materiale russkogo i nemetskogo iazykov)* [Recipe as a special text type (on the material of Russian and German languages)]. Lambert Academic Publishing, 2012.

12. Riabov O.V. «ROSSIIa – sfinks»: gendernyi aspekt zapadnogo obraza «tainstvennoi russkoi dushi» [“Russia-Sphinx”: Gender aspect of the western image of “mysterious Russian soul”]. *Kul'turologiia*, 2001, no. 3 (19), pp. 169–173.

13. Zamiatin D.N. *Rossiia i nigde: geograficheskie obrazy i stanovlenie rossiiskoi tsivilizatsionnoi identichnosti* [Russia and nowhere: geographical images and formation of Russia's civilizational identity]. *Rossiia kak tsivilizatsiia: ustoichivoe i izmenchivoe*. Ed. by I.G. Iakovenko. Moscow, 2007, pp. 72–90.

14. Tiupa V.I. *Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoi literatury* [Mythologeme “Siberia”: on the “Siberian text” of Russian literature]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2002, no. 1, pp. 27–35.

15. *Sibirskii tekst v natsional'nom siuzhetnom prostranstve* [Siberian text in the national scene space]. Ed. by K.V. Anisimov. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2010.

Сведения об авторе

БАНМАН Полина Павловна

e-mail: banman.poly@yandex.ru

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики пере-
вода, Северо-Кавказский федеральный
университет (Ставрополь, Россия)

About the author

Polina P. BANMAN

e-mail: banman.poly@yandex.ru

Candidate of Philological Sciences, Associ-
ate Professor, Department of Translatology,
North-Caucasian Federal University (Stav-
ropol, Russia)